

Захарьинские

МИЛЛИОНЫ.

С чего начался
распад российской
медицины

Фото: ИТАР-ТАСС / Анвар Галеев. Здание Института им. Склифосовского

Виктор Давыдович, с какого времени в России началась безудержная коммерциализация врачебных услуг и связанная с этим дегуманизация медицины?

Вопросы почти философские. Давайте попробуем рассмотреть на примере. Пожалуй, самыми зажиточными врачами Российской империи во второй половине XIX столетия считались московский профессор Г.А. Захарьин и киевский профессор Ф.Ф. Меринг — директор факультетской терапевтической клиники университета Святого Владимира (1865–1886). И тот и другой изрядную часть времени и сил отдавали частной практике, но не только она помогла каждому из них сколотить огромный, поразивший обывателей и коллег капитал.

О происхождении благосостояния Меринга рассказывал С.Ю. Витте: «Он всю еврейскую бедноту лечил даром; никогда не брал с них денег; никогда не отказывал этим бедным евреям, и если были тяжелобольные, то ездил лечить их в бедные еврейские лачуги. Меринг приобрел громадную популярность среди низшего класса евреев. Стремясь его отблагодарить, евреи постоянно указывали ему различные дела, покупку домов, имений и пр. <...> Руководствуясь советами этих евреев, Меринг постоянно покупал и продавал различные имения и вообще недвижимости. И, в сущности, состояние он нажил именно на этих операциях. Об истоках материального благополучия Захарьина в Москве толко-

вали нередко, но как-то бесосновательно. Предполагали обычно, что состояние свое он приобрел главным образом посредством успешных биржевых спекуляций, но никто не знал, когда он ими занимался. Судачили порой о каком-то особенном его везении в финансовых делах и умении быстро реализовать свои планы. Кое-кто пускал в ход даже неотразимый для мистического сознания довод: будто бы носил Захарьин в жилетном

Самыми зажиточными врачами Российской империи во второй половине XIX столетия считались московский профессор Г.А. Захарьин и киевский профессор Ф.Ф. Меринг.

кармане серебряный полтинник, свой первый врачебный гонорар, и этот талисман притягивал к нему удачу и способствовал обогащению по старинной пословице: денъга на денъгу набегаает.

Доподлинно известно было только одно: о тайном советнике Меринге тайный советник Захарьин отзывался с восхищением и завистью «Это самый богатый врач в России!»

Из чего же на самом деле складывалось финансовое благосостояние Захарьина?

Этот процесс можно разделить на два этапа: первичное накоп-

ление капитала и дальнейшее его приумножение. Давайте вернемся в XIX век. В апреле 1859 года формально малоимущий Захарьин получил у казначея Московского университета одну тысячу рублей для своей третьей зарубежной командировки. С февраля 1860 года он занимал должность адъюнкта факультетской терапевтической клиники с годовым жалованьем 714 рублей 80 копеек; в тот период за свои частные консуль-

тации он брал с каждого больного не более трех рублей. Для всякого заурядного человека отложить из этих скудных средств сколько-нибудь значительную сумму представлялось в сущности невыполнимым. Тем не менее в конце июля 1861 года Захарьин обратился к Белоголовому с просьбой приобрести за границей несколько медицинских приборов и новый ларингоскопический инструментарий для факультетской терапевтической клиники за его, адъюнкта, счет. Чтобы Белоголовый не усомнился в его платежеспособности, Захарьин написал ему: «В потреблении своего капитала я нисколько не за-

В конце прошлого и в нынешнем веке появилось несметное количество удивительных объявлений: всевозможные народные целители, практикующие врачи, члены многочисленных российских академий сулили каждому больному исцеление от любого недуга за умеренную плату. Невиданный ранее расцвет знахарства свидетельствует об утрате авторитета официальной медицины. Как такое могло произойти? В известной степени ответить на этот вопрос позволит биография доктора Григория Антоновича Захарьина, знаменитого московского профессора, лечившего людей в XIX веке.

Г.А. Захарьин

трудняюсь. Жалею только, что его очень мало».

Действительно, капиталом он обладал по всей вероятности еще довольно скромным, так как по-прежнему пользовался казенной квартирой при университетской клинике (хотя летом снимал дачу в Сокольниках), но и вполне уже достаточным для обзаведения семьей. Весной 1862 года адъюнкт Захарьин подал ректору Московского университета прошение: «Желая вступить в законный брак, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство о выдаче мне надлежащего для сего свидетельства». С дочерью штабс-ротмистра и средней руки помещика Орловской губернии Екатериной Петровной Апухтиной, дворянкой 21 года от роду, Захарьина обвенчали в церкви при университете 22 апреля 1862 года.

Сразу же после бракосочетания он поселился с женой на втором этаже собственного, только что купленного во втором квартале Мещанской части, неподалеку от Сухаревой башни, двухэтажного каменного особняка. Его дом отличался удивлявшей посетителей простотой: полы в нем были деревянные крашенные, лестница тоже деревянная. На первом этаже находились обширный кабинет хозяина и две небольшие скупо обставленные комнаты для больных; единственным украшением приемной служил впоследствии портрет графа Д.А. Толстого. Стоимость особняка с примыкавшим к нему садом составляла 14 070 рублей; для срав-

нения, дом ординарного профессора госпитальной терапевтической клиники И.В. Варвинского в первом квартале Сретенской части оценивался всего лишь в 6020 рублей.

Каким образом за два года далеко не самой высокооплачиваемой службы сумел Захарьин собрать не менее (скорее всего много более) 15 000 рублей и стать московским домовладельцем, осталось неизвестным. Секреты своего предпринимательства он оберегал не хуже, чем важный правительственный чиновник государственные тайны. Во всяком случае обществу отец не мог оказать ему никакой материальной поддержки, надеяться на солидное наследство от многочисленных родственников из Саратовской и Пензенской губерний ему явно не следовало, а внезапно разбогатеть посредством азартных игр он и не пытался, ибо при всей своей страстности всегда был очень осмотрительным, даже опасливым и не подменял долгий трезвый расчет малопонятной скороговоркой интуиции.

Поскольку сумму, необходимую для покупки каменного особняка, Захарьин не мог ни занять, ни выиграть, ни заработать, приходится признать обоснованными упорные слухи о безусловной финансовой одаренности 32-летнего адъюнкта факультетской терапевтической клиники и его успешных биржевых и банковских операциях.

А что говорили современники по этому по-

воду? Да и газеты, наверное, не обходили Захарьина своим вниманием, ведь человек он был этаким этаким.

Как уверяли досужие люди, некоторую часть своих средств он хранил на текущем счете в банкирском доме «И.В. Юнкер и КО», а многие тысячи рублей держал в приобретенных по минимальным расценкам акциях Московско-Рязанской (с 1891 года — Московско-Казанской) железной дороги.

Однако частная Московско-Рязанская железная дорога, построенная на размещенный за границей облигационный капитал, была открыта для эксплуатации только в августе 1864 года. Практически сразу же она стала самой прибыльной после Николаевской (связывавшей Петербург с Москвой) железной дороги, давая высокий дивиденд на каждую акцию. Но к тому времени Захарьин был уже вполне зрелым дельцом и, по его словам, «в потреблении своего капитала» нисколько не затруднялся. Человек, хоть и общественный по долгу службы, но неизменно замкнутый, как амбарный замок на полузабытом армейском складе, Захарьин предпочитал своими тайнами не делиться ни с кем.

Мы подходим к этапу завершения первичного накопления капитала и перехода в статус богатого человека, вынужденного управлять своим состоянием и приумножать его?

Весной 1864 года его утвердили в должности экстраординарного профессора факультетской терапевтической клиники. Годовое жалование Захарьина, вместе с квартирными и столовыми деньгами, повысилось до двух тысяч рублей; одновременно возросла до 15 рублей вместо прежних трех стоимость его интеллектуальных затрат при частных консультациях больных. Теперь он мог реализовать, наконец, свою заветную мечту и приобрести имение, пусть не очень крупное и дорогое, но и не захудалое. В конце сентября 1864 года он купил в Болховском

уезде Орловской губернии, по содействию с родовым имением жены, село Мосальское, при коем находилось 1340 десятин земли с поселенными на ней 222 временно обязанными крестьянами.

Чтобы стать землевладельцем, ему пришлось, должно быть, взять в банке кредит с рассрочкой погашения на несколько лет. Необходимостью выплачивать этот кредит могло объясняться установление в семье режима строгой экономии, а также его преподавание по совместительству (с целью до-

тверждением его обеспеченности стали два пожертвования по три тысячи рублей каждое: первое — Болховскому земству в декабре 1870 года, а второе — Физико-медицинскому обществу в январе 1871 года. В глазах московской профессуры Захарьин выглядел отныне не просто дельцом, но финансовым воротилой, пусть еще не миллионщиком, но уже персоной, способной за два месяца выложить на благотворительные цели жалованье ординарного профессора за два года и облагодетельствовать любое

В глазах московской профессуры Захарьин выглядел отныне не просто дельцом, но финансовым воротилой.

полнительного заработка) студентам третьего курса в течение 1864 и 1865 годов. Временные финансовые затруднения не отвлекли Захарьина от осуществления еще одной честолюбивой мечты.

Он претендовал на древность своего дворянского рода и в марте 1865 года подал прошение в Московское дворянское депутатское собрание о внесении его вместе с семейством в Дворянскую родословную книгу Московской губернии. Вскоре его внесли во вторую часть этой книги. Когда же он представил справку из архива Министерства юстиции о том, что его предком был как будто весьма состоятельный в начале XVII века помещик, Захарьина перенесли из второй в шестую часть Дворянской родословной книги Московской губернии.

Условный период первоначального накопления капитала завершился во второй половине 1870 года, когда Захарьин почувствовал себя, наконец, человеком богатым. Прямым под-

обедневшее учреждение. Вполне естественно поэтому, что в ответ на трехтысячное благотворение его немедленно избрали президентом (председателем) Физико-медицинского общества.

Простите, Вы постоянно акцентируете скарденность Захарьина, его патологическую страсть к деньгам. Это как-то не вяжется с благотворительностью.

Сегодня мы видим множество имиджевых организаций, которые создают для общества определенный востребованный образ человека, на самом же деле он совершенно другой. Возьмите, к примеру, наших чиновников, которые получают тысячи рублей, а живут на десятки тысяч евро.

Захарьин делал себе пиар сам. Небольшие благотворительные акции отвлекали внимание общества от его безумных гонораров, а чиновники присваивали ему очередное иерархическое звание, государь вешал на грудь награды.

Общественный интерес к миллионам Захарьина был достаточно велик, и многие понимали, что у известного доктора обязательно должен быть высокий финансовый покровитель. Его, как известно, не искали в чиновничьих кругах. Так кто же он, Виктор Давыдович?

Вы правы, лишь немногие простодушные коллеги Захарьина всерьез полагали, будто маститый профессор сколотил феноменальный капитал посредством одной лишь частной практики. Это расхожее мнение опроверг в популярной газете весьма хорошо информированный журналист К.А. Скальковский: «Хотя Захарьин получал иногда за визиты тысячами рублей, но состояние он составил не визитами. Ему помогла дружба с одним известным банкиром. Евреи очень любят лечиться; Захарьин внимательно следил за здоровьем богача-банкира, а он с успехом помещал его деньги в разные свои банки, коммерческие и земельные».

Фамилию банкира, почему-то не названную Скальковским, современники угадали без каких-либо затруднений. Речь шла о «московском Ротшильде» Лазаре Соломоновиче Полякове, миллионере, возглавлявшем Московскую еврейскую общину. Когда и как Захарьин и Поляков познакомились, неизвестно. Скорее всего, в 1869 году, когда Поляков стал главным акционером сначала Московского земельного банка, а затем Орловского коммерческого банка; но не позднее 1873 года, когда Поляков открыл в Москве банкирский дом с основным капиталом в пять миллионов рублей.

За два последующих десятилетия коммерции советник Поляков достиг беспрецедентных финансовых высот, но совершенно баснословные барыши приносила ему скупка и перепродажа недвижимости. В залоге Московского земельного банка, по данным на 1 января 1895 года, состояло 4782 земельных и 2635 город-

Л.С. Поляков

ских имуществ, оцененных соответственно в 100 и приблизительно по 50 миллионов рублей.

С помощью своего банкира Захарьин присмотрел для себя и не то в конце 1870-х, не то в начале 1880-х годов купил усадьбу Куркино под Москвой площадью 30 десятин и поместье в 3600 десятин при селе Варга (в другом написании Вирга) в Нижнеломовском уезде Пензенской губернии. Примерно десять лет имение Варга считалось «благоприобретенным», но в 1893 году Захарьин объявил его «родовым». Все-таки представителю древнего дворянского рода, известного со времени правления Михаила Федоровича, надлежало обладать толь-

ко родовым, а не каким-то «благоприобретенным» именем.

В 70-х годах XIX века «московский Ротшильд» Лазарь Поляков, крупнейший российский банкир и пациент Захарьина, стал косвенным участником скандала и общественного процесса, связанного с разорением Коммерческого ссудного банка в Москве. Однако после выделения Министерством финансов России 14 млн рублей господдержки банк возобновил свою работу. Лазарь Поляков активно скупал акции Коммерческого банка в период его падения. Сколько из миллионов господдержки Поляков оставил себе и сколько прилипло к рукам его персонального врача Захарьина, банкир и профессор сохранили в глубокой тайне.

Каков же финал Захарьинских миллионов?

В 1880-е годы Захарьин по неизвестным причинам рассорился с банкиром. Подобно чеховскому Ионычу сосредоточился на приобретении недвижимости. В конце 1880-х годов он стал обладателем трех домов: на Софийке рядом с Немецким клубом, на Рождественке близ Кузнецкого моста и на самом Кузнецком мосту, приносящих стабильный доход. Свои деньги он держал, по-видимому, на счетах Государственного банка, Московского отделения Лионского кредита и Московского купеческого общества взаимного кредита; во всяком случае своему ученику Голубову он рекомендовал пользоваться услугами именно этих банков.

После смерти Захарьина его движимое имущество одни оценивали в три, другие — в четыре миллиона рублей. Стоимость принадлежавшей ему недвижимости, включавшей в себя три доходных дома в центре Москвы, особняк на 1-й Мещанской улице, имение Куркино и земельные владения в Пензенской и Орловской губерниях, достигала по самым скромным подсчетам четырех-пяти миллионов рублей (за один только доходный дом на Кузнецком мосту можно было выручить два миллиона рублей).

Единственный наследник Захарьина, его сын Сергей, продал особняк на 1-й Мещанской улице и строение на Рождественке, зато купил два дома по Нащокинскому переулку (№ 4 и 6), где содержал меблированные комнаты, и сохранил за собой имение Куркино и здания на Софийке и Кузнецком мосту. Как распорядился он «родовым» имением в Пензенской губернии, неизвестно. Через год после смерти Сергея Захарьина принадлежавшую ему собственность оценивали приблизительно в шесть миллионов рублей. Поскольку его мать категорически отказалась принять наследство умершего сына, «главное состояние» перешло к «продолжателям рода» Навроцким — трем сыновьям Екатерины Григорьевны Захарьиной, в замужестве Навроцкой, и соответственно внукам профессора Захарьина. Такова не сказка, а быль о фантастическом состоянии доктора Захарьина. ■

ПЭС 11158/18.10.2011

Сфера пристального исследовательского интереса известного терапевта, историка медицины, обозревателя «Новой Газеты», автора нашумевших книг «Вожди в законе», «Сквозняк из прошлого», «Доктор Захарьин: легенды и реальность» Виктора Давыдовича Тополянского — коррупция в медицине.

Изучив исторический опыт, Виктор Давыдович в интервью заместителю главного редактора Юрию Короткову поделился своими размышлениями о реалиях настоящего.